

МОТИВ СНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.Ф. ОДОЕВСКОГО И Э.А. ПО («ЖИВОЙ МЕРТВЕЦ» И «ПРАВДА О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С МИСТЕРОМ ВАЛЬДЕМАРОМ»)

Людьми с мифологическим мышлением сон воспринимался как предзнаменование, послание высших сил. В народе до сих пор верят, что сон имеет значение предзнаменования, и подход к толкованию сновидений заключается в том, что содержание сновидений заменяется твердо установленным ключом. Сегодня лишь немногие образованные люди сомневаются в том, что сон является продуктом психической деятельности спящего.

Мы считаем, что своими корнями мотив сна уходит в мотив двойничества. Возможность связывать эти мотивы нам даст тот факт, что, засыпая, человек умирает в одном состоянии и рождается в другом. В. П. Руднев так же говорит о связи мотива сна со смертью, где под смертью подразумевается инициация героя произведения. Мы же говорим о смерти иного рода, об этом мы будем говорить дальше. В выбранных нами произведениях мотив сна играет служебную роль. Он помогает раскрытию мотива двойничества, так как делает его более явным, и, вместе с тем, мотив сна придает мотиву двойничества еще более мистическую окраску, что является важным как для творчества Э. А. По, так и для творчества В. Ф. Одоевского. Таким образом, мотив сна позволяет приблизить мотив двойничества к психологизму.

В современной литературе данное совмещение мотивов встречается довольно часто. Наиболее ярким примером служит рассказ Хулио Кортасара «Ночью на спине, лицом вверх». Герой попадает в аварию на мотоцикле (стрессовая ситуация), начинает видеть сны, в которых он — представитель племени матеки. Каждый раз, когда герой засыпает, ему снится матек, его жизнь, которая идет параллельно жизни спящего. Так, герой каждый раз умирает в одном состоянии и рождается в другом. Эти состояния выражены мотивом двойничества. Повествование, таким образом, описывает знак бесконечности — два круга с точкой соединения (перехода от сна к бодрствованию).

В основу исследования мы кладем тезис о том, что, входя в состояние сна, герой какого-либо произведения умирает в одном состоянии и рождается в другом, причем другое состояние материально выражено двойником. В произведении Хулио Кортасара можно говорить как об инициации, так и о наличии двойников. Наше исследование выявляет другого рода двойников, а именно — черного и белого двойника.

По мнению Фрейда, в душевном аппарате человека имеются две мыслеобразующие инстанции, из которых вторая обладает тем преимуществом, что ее продукты находят доступ в сферу сознания открытым; деятельность же первой инстанции бессознательна и достигает сознания только через посредство второй. На границе обеих инстанций, на месте перехода от первой ко второй, находится цензура, которая пропускает лишь удобное ей, а остальное задерживает. Этими инстанциями являются двойники. Двойник, живущий во сне, кодирует информацию об увиденном, который приходит бодрствующему двойнику в качестве «смещенного сновидения».

Следует заметить, что в понятие мотива сна мы включаем как само состояние сна, так и другие измененные состояния сознания (гипнотический, наркотический и летаргический сны), так как любое из этих состояний позволяет проследить переход одного состояния сознания в другое, а следовательно, зафиксировать функционирование мотива двойничества.

Итак, рассмотрим, как и почему появляются двойники в исследуемых произведениях. «Что это? — никак, я умер?.. право! насилу отлегло... нечего сказать -- плохая шутка... Ноги, руки холодеют, горло хватает, душит, в голове трескотня, сердце замирает, словно душа с телом расстается»

с.329]. Герой чувствует, что выходит из тела, но, оглядываясь, видит, что тело его лежит на кровати. Таким образом, мотив двойничества задан с первых строк. Мы утверждаем, что герой 1 спит. Слово сон повторяется в начале произведения в трех предложениях подряд. Мы понимаем, что герой 1 заснул и на его месте появился герой 2. Слово зеркало закрепляет мотив двойничества в тексте.

Следуя логике З. Фрейда, обратим внимание на то, что делал герой 1 перед тем как лечь спать. Перед сном герой играл в вист с приятелями и читал. Как Василий Кузьмич сообщает в конце рассказа, он читал фантастическое произведение «и заснул крепко, -- как вдруг ни с того ни с сего тяжело, тяжело... хочу вскрикнуть -- не могу; хочу пошевелинуться -- не могу... Потом ничего не помню -- да вдруг и проснулся...» [1, с.329]. Следует заметить, что «проснулся» уже не герой 1, Василий Кузьмич, а герой 2- его двойник.

Истоки мотива двойничества лежат в концепции романтизма. У героя-романтика появляется идеал, он сравнивает этот идеал с окружающим миром и видит их несоответствие друг другу. Реальность, отличная от его идеала, неприемлема, поэтому у героя происходит вынужденный разлад с собой. Разлад вынужденный, так как герой страдает из-за этого отречения. Следующим шагом героя является сравнение себя с этим же идеалом, но выясняется, что и он ему не соответствует. Тогда происходит отказ от какой-то части себя, что в художественном произведении выражено появлением двойника.

Конфликт происходит не в бодрствующем сознании, а в подсознании Василия Кузьмича, поэтому выбирается форма сна. То, что герой произведения не умер, а спит можно объяснить тем, что он лишен возможности действовать, разговаривать. Подобное состояние можно объяснить и тем, что спящий, как считает М. Ю. Лотман, только наблюдает за происходящим вокруг. В понимании Лотмана, сон — это послание, представляющееся спящему как код. То есть герой любого произведения не обязательно должен участвовать во сне, в этом случае, герой так же является читателем послания.

И тут перед нами встает вопрос: если это послание, то кто является адресатом, а кто адресантом. Адресантом, как мы уже сказали, является подсознание Василия Кузьмича. А адресатом его двойник. Двойник попадает в мир, созданный подсознанием Василия Кузьмича, и он (двойник) является только наблюдателем, читателем кода и поэтому лишен возможности действовать.

В рассказе Эдгара По «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром» случившееся так же можно описать с точки зрения взаимосвязи мотива сна и мотива двойничества.

Мистер Вальдемар давно болен, и, возможно, мысленно уже готов к смерти, иначе он не соглашался бы на столь опасные вещи, как месмерическое воздействие. «За несколько месяцев до моего с ним знакомства доктора нашли у него чахотку. О своей близкой кончине он имел обыкновение говорить спокойно, как о чем-то неизбежном и не вызывающем сожалений» [2, с.156].

К моменту введения больного в гипнотический сон, по нашему мнению, он морально готов к борьбе за жизнь или за смерть. Возможно, тут и возникает конфликт, который предшествует раздвоению героя.

Итак, героя вводят в состояние гипнотического сна (измененное состояние сознания). Внутри него зреет конфликт между желанием умереть сразу, во сне, или в предсказанное врачами время. Мы уже знаем, что в этот момент должен появиться двойник. Так как человек бодрствующий, по нашей терминологии, «умирает» (умирает в одном состоянии, но должен родиться в другом), его сменяет двойник. В данном случае, конфликт, как мы уже выяснили, заключается в желании умереть сразу, во сне, или в предсказанное врачами время. Один из двойников к этому моменту уже мысленно себя похоронил, а второй двойник разговаривает с собравшимися.

Конфликт в душе Вальдемара не характерен для мотива двойничества. Это материализованная борьба за жизнь: один герой уже думает, что умирает. А второй только ждет смерти. Двойник, который появляется в теле вместо бодрствующего, — это та часть Вальдемара, которая бы хотела

умереть во сне, поэтому на вопрос, спит ли он, двойник отвечает: «Да, все еще сплю — умираю» [2, с.158].

Как мы видим, герои обоих произведений, находясь в состоянии сна, говорят о своей смерти. Сон метафорически связан со смертью: умерший — это тот, кто «спит вечным сном» или «как убитый», значение «покой» связано как со сном (почивать), так и со смертью (почить)» [12, с.211]. На наш взгляд, есть основания говорить о такого рода произведениях, где мотив двойничества облекается в форму сна, как об истории умирания.

Один двойник не может существовать без другого. Если один из двойников умирает, второй либо умирает тоже, либо сходит с ума, либо одно из этих обстоятельств подразумевается. Когда мотив двойничества в традиционной форме прослеживается в произведении, повествование дает нам причину раздвоения и постепенно приближает нас к гибели двойников. Когда же в произведении вместо мотива двойничества вводится мотив сна, повествование начинается со смерти одного из двойников и движется в обратном порядке. Так, в «Живом мертвце» герой 1 умирает, и мы постепенно узнаем причины его раздвоения. Но, так как двойники не могут существовать по отдельности, повествование так же приближает нас к гибели двойников, образуя кольцевой сюжет.

Для исследования интересно название произведения В. Ф. Одоевского «Живой труп». Этот оксюморон применим как к герою 1, имеется в виду, что он мертвец в моральном плане, но живой в физическом (спит), так и к герою 2: он жив как белый двойник, но считает себя мертвым и лишен действий..

Но, по нашему мнению, название произведения следует читать как «Живой и мертвец», где живым является герой 2, а мертвецом — герой 1: «Куда это меня тянет?... Никак, за город?... а! кладбище! да! вот и моя могила... вот и мое тепленькое местечко! Здесь и он лежит! у, какой! и червяк у него ползет по лицу! А все-таки ему веселее моего; по крайней мере он ничего не чувствует...» [1, с.345]. Заметим, что состояние героя, описываемое в этом произведении больше похоже на летаргический сон, нежели на смерть.

Говоря о том, что, входя в состояние сна, герой умирает в одном состоянии и рождается в другом, мы сознательно не приписываем этот процесс инициации, так как в произведении «Живой мертвец» четко прослеживается оппозиция черный-белый двойники.

В «Живом мертвце» представлен тип двойника — совесть: «Ох! не могу и здесь дольше оставаться -- и здесь уж для меня нет покоя! Других голосов не слышу, но слышу свой собственный. ох! это совесть, совесть! какое страшное слово! как оно странно звучит в слухе!» [1, с.352].

И. Д. Ермаков считает, что «двойник, как показывает Ф. М. Достоевский, соответствует воплощению в галлюцинаторном образе всего того, что по тем или иным моральным основаниям (высшая инстанция «я») было вытеснено из сознания и что, вернувшись в сознание другими путями, признается чуждым ему и получает значение двойника, т.е. постороннего субъекту лица, зачастую неприятного, даже нестерпимого, поскольку теперь уже чужды, неприятны, нестерпимы и не признаются своими те стремления, которые в нем воплощены» [5, с.18].

Мы предполагаем, что такой частью, вытесненной во внешний мир (здесь — мир сна) является совесть, которая не могла ужиться с деятельностью Василия Кузьмича. «Слушай, Петруша, ты же видишь, малой-то не дурак будешь... знаешь ли ты, что такое деньги? не знаешь? -- я тебе скажу: деньги -- то, чем мы дышим; все на свете пустяки, все вздор, все дребедень... одна вещь на свете: деньги помни это, Петруша, -- с этим далеко пойдешь...» [1, с.340] Такое наущение даст Василий Кузьмич своему сыну.

Эпиграф в «Живом мертвце» так же намекает на присутствие двойника-совести: « — Скажите, сделайте милость, как перевести по-русски слово солидарность (solidaritas)?

—Очень легко -- круговая порука, -- отвечал ходячий словарь.

«Близко, а не то! Мне бы хотелось выразить буквами тот психологический закон, по которому ни одно слово, произнесенное человеком, ни один поступок не забываются, не пропадают в мире, но производят непременно какое-либо действие; так что ответственность соединена с каждым словом, с каждым, по-видимому, незначительным поступком, с каждым движением души человека (...)» [2, с.157]. Расказание Василия Кузьмича помнит каждую мелочь, каждое слово, каждый поступок. И мир, который оно выстраивает как раз и построен по такому психологическому закону: все, что в нем происходит — это последствия его даже самых малых обманов. Так Филька становится по его внушению вором, а сыновья Василия Кузьмича решают прибрать себе деньги, оставленные Лизе ее настоящим отцом и «по предусмотрению» припрятанные Василием Кузьмичом. И судьба Лизы из-за них так же диаметрально меняется, она обречена на голодную жизнь, но больше всего расстраивает ее то, что она «не дочь своего отца».

Таким образом, мир созданный Василием Кузьмичом действительно «выражает тот психологический закон, по которому ни одно слово, произнесенное человеком, ни один поступок не забываются, не пропадают в мире, но производят непременно какое-либо действие; так что ответственность соединена с каждым словом, с каждым, по-видимому, незначительным поступком, с каждым движением души человека». Но двойник здесь не может действовать, он может только прочесть послание. Но так как совесть-двойник вытеснена из сознания Василия Кузьмича в мир сновидения, то, пробудившись, он говорит об увиденном как о «глупом сне». Этому есть несколько объяснений. Во-первых, Василий Кузьмич приписывает появление такого сна тем, что накануне он читал фантастическую книгу. Во-вторых, переживание сна принадлежат двойнику. Раскаяние, сочувствие, терзания совести — все это переживает двойник, та часть души, которая навсегда отделилась от него. Его не терзает совесть. Все, что могло вызвать в нем человечность навсегда вытеснено в мир сна и каждое побуждение к чувству будет восприниматься им как аномалия и тщательно укрываться подсознанием. Все события он приписывает невозможному и не придает им никакого значения. «Человек во сне склонен думать, что все происходящее происходит наяву, на самом деле, но потом оказывается, что он просто спал и видел это во сне. Это нейтрализация по сновидению» [12, с.205].

В произведении Э. А. По нет явного конфликта между двойниками, поэтому здесь не может идти речь о черном и белом двойнике. Оба двойника хотят смерти, но они как бы живут в разном времени. Один считает себя мертвецом, другой же умирает.

Интересным для мотива сна является пространство, в котором находятся герои. В рассказе Эдгара По «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром» оба двойника заключены в одном теле. Из-за гипноза они обездвижены. Тело все время лежит — оба героя умирают, оба двойника хотят этого. Это действительно история умирания одного двойника вслед за другим.

В рассказе «Живой мертвец» напротив много движения. Несмотря на то, что двойник-совесть не может действовать, он все время перемещается и ищет успокоения в ужасном мире, созданном его двойником-творцом. В произведении существует ряд оппозиций: лежащий в земле Василий Кузьмич (черный двойник) и скользящий над землей двойник-совесть (белый двойник); движется в произведении только белый двойник, а все остальные действуют только в ограниченном пространстве (комнате, кабинете). Такие оппозиции говорят о том, что только белый двойник по-настоящему еще жив, а мир Василия Кузьмича — это пространство смерти.

Таким образом, мотив сна в романтическом произведении позволяет вывести мотив двойничества на новый уровень. Мотив двойничества становится ближе к психологизму. Двойники в подобных произведениях заключены в одно тело, и их борьба происходит внутри героя. Разделение двойников фиксируется сном.

Литература:

1. Одоевский В. Ф. Живой мертвец / Одоевский В. Ф. // Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. — М.: Худ. лит., 1989. — С. 329–352.
2. По Э. А. Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром / По Э. А. // По Э. А. Рассказы и новеллы. Поэма и стихотворения. — М.: Эксмо, 2007. — С. 156–161.
3. Бердяев Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев. — М.: Сварог, 1997. — 537 с.
4. Грудкина Т. В. Феномен двойничества в русской литературе XIX века (В. Ф. Одоевский, А. П. Чехов) : дис. ... канд. филол. наук. / Грудкина Т. В. — Шуя, 2004. — 90 с.
5. Ермаков И. Д. Двойственность / Ермаков И. Д. // Ермаков И. Д. Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. — М.: Новое литературное обозрение, 1999. — С. 404–411.
6. Иванов Вяч. Вс. Близнецы мифы / Иванов Вяч. Вс. // Иванов Вяч. Вс. Мифы народов мира: Энциклопедия. — М., 1980. — Т. 1. — С. 174–176.
7. Коробова М. М. Двойник — семантический неологизм Достоевского? / Коробова М. М. // Русская речь. — Вып. 5-С. 26–35.
8. Кюно Ясухико. В поисках тайны души человека в повести В. Ф. Одоевского «Косморама» / Кюно Ясухико // Journal of Slavic Research Center, Hokkaido University, 2001. — Вып. 18. — С. 79–98.
9. Лотман Ю. М. Сон — семиотическое окно / Лотман М. Ю. // Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство, 2000. — С. 196–211.
10. Мотив двойничества в рассказе Г. Г. Маркеса «Диалог с зеркалом» // Страничка критика // Буква-СПб, 2002. — Вып. 7. — С. 10–12.
11. Романчук Любовь генезис «демонического героя» в романтизме / Романчук Любовь // «Придніпровський науковий вісник». — Днепропетровск: Наука і освіта, 1998. — № 130 (197), листопад. — С. 17–28.
12. Руднев В. П. Глава третья. РЕАЛЬНОСТЬ. Морфология сновидения / Руднев В. П. // Руднев В. П. Прочь от реальности. Исследования по философии текста. — М.: Аграф, 2000. — С. 205–229.
13. Силантьев И. В. Поэтика мотива: монография / Силантьев И. В., Е. К. Ромодановская-М.: Языки славянской культуры, 2004. — 296 с.
14. Синева Е. Н. К вопросу о термине «двойничество». Филология, литературоведение, лингвистика / Синева Е. Н. // Материалы 13-й международной конференции молодых ученых 26–30 декабря 2002 г. — СПб., 2002. — С. 271–281.
15. Турьян М. А. Странная моя судьба: монография / Турьян М. А. — М.: Книга, 1991. — 399 с.
16. Фрейденберг О. М. Семантика двойника / Фрейденберг О. М. // Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. — М.: Лабиринт, 1997. — С. 210–211.
17. Фрейд З. О сновидении / Фрейд З. // Фрейд З. Психология бессознательного. — М.: Просвещение, 1990. — С. 310–343.
18. Фрезер Дж. Дж. Опасности, угрожающие душе / Фрезер Дж. Дж. // Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. — М.: Политиздат, 1980. — С. 107–120.